

SOCIOLOGY

Kazakova A.Yu.

THE LOCATION OF HOUSING AND ITS EXPOSURE TO THE RISK OF FIRE (ON MATERIALS OF THE EVENT ANALYSIS OF ACCIDENT REPORTS, SURVEY AND VISUAL ASSESSMENT OF CULTURAL HERITAGE)*

Kazakova A.Yu., Russian Federation, Kaluga's K.Tsiolkovski State University, The Department of philosophy and sociology, associate Professor, PhD in sociological Sciences

Abstract

Analysis of the preservation of monuments of history and architecture related to the category residential buildings for functional purposes during the construction and nature of usage, showed a high degree of impact on this category of cultural heritage from loss due to fire. According to statistics over the past five years (2010-2014) in Russia the average share of the residential sector in the objects of the fire was 78 % and the percentage of the victims of the fire in the residential sector remained stable at 96% of the total number who died in the fire. Search social differences between citizens, subjectively perceiving and not perceiving the fire occurred in a residential building in emergency situations the risk of their habitat, leads to the conclusion about the high level of socio-territorial and socio-economic differentiation in the risk perception and the relationship between concern about fire risk and risk of loss of cultural heritage and cultural identity. As it turned out, the validity of the concerns regarding the susceptibility of the housing to the fire is not the same in different zones of the City. We built the equations of linear regression for the dependent variable "subjective risk of fire" separately for suburbs and outskirts, the young areas of the City Centre and its historical buildings. In the future it is

possible to translate the individual variables in the objective indicators. In this case, the model will be able to perform not only classification and analytic function but predictive too. But even by itself, the estimate of afraid of fire population is important in the context of solving such practical problems as the introduction of awareness-raising, prevention work in the territories, the popularization of modern means of fire protection. In the context of preservation of cultural heritage the data indicate the need to promote inter-Agency cooperation between EMERCOM and the Ministry of culture. The exchange of statistical information, joint activities for the protection of monuments, the formation of careful attitude to cultural heritage on the part of owners of residential historic buildings are among the priorities.

Keywords: Immovable cultural heritage as housing, subjective and objective risk of fire, physical and social space

*Source of financing. The research is executed at financial support of Russian humanitarian scientific Fund and the Government of Kaluga region. Projects: No. 15-13-40601 e(R) — "Social factors of preservation of historical memory as the basis for territorial identity of the local urban communities"; No. 16-13-40002 a(R) — "Types of housing deprivation for the population of Kaluga region: levels, sources and consequences".

Введение

Тема пожароопасности исторических зданий, относящихся к жилому фонду, включает два проблемных компонента, актуальность которых в последние годы растет и, несмотря на кажущуюся принадлежность к различным сферам общественной практики, объединяется в контексте комплексной социальной безопасности страны и ее отдельных территорий.

Первый компонент – безопасность жизнедеятельности граждан, угрозу которой представляют пожары, аварии, стихийные бедствия. Различные аспекты безопасности изучены неравномерно (помимо математической теории вероятности как фундаментальной методологической основы рискологии, до недавних пор прикладное изучение рисков являлось безусловной прерогативой только технических наук, а также экономики и финансов [1]). С конца XX века концепции риска завоевывают все более прочное положение в социологической теории, а расширение сфер их практического приложения и эмпирической базы в конце концов приводит к тому, что риск и безопасность становятся важнейшими компонентами оценки качества жизни различных социальных субъектов - от личностей до территориально-поселенческих сообществ. Обе категории используются при построении рейтингов регионов и отдельных населенных мест; социальная безопасность постепенно начинает рассматриваться как отдельная область научного

знания; ряд публикаций свидетельствует о настоятельной потребности в формировании соответствующего данной области понятийно-категориального аппарата (соотношение "риска", "угрозы", "опасности"; субъективный и (или) объективный характер рисков; безопасность как качество социальных систем, как особый вид деятельности, как отсутствие опасностей или как состояние устойчивости к ним, готовности оперативного реагирования на опасности). Множество статей, посвященных анализу природных и природно-технических рисков, чрезвычайных ситуаций, в том числе пожаров, публикуется в специализированных журналах «Методы анализа риска», «Анализ риска здоровья», «Проблемы развития территорий» и др. Важность изучения социальных факторов и социальных последствий чрезвычайных ситуаций осознается на уровне теории [2]. Но в эмпирических исследованиях риск, в том числе пожарный, по-прежнему представлен как характеристика техносферы, а не социальной среды личности. Это закономерно, поскольку в России формирование социологической концепции риска и безопасности только началось, в первую очередь как развитие социально-экологического подхода О.Н.Яницкого [3; 4].

На официальном сайте ФЦП "Пожарная безопасность в Российской Федерации на период до 2017 года" МЧС РФ указывается, что на фоне устойчивой тенденции к снижению пожарных рисков в РФ «продолжает оставаться высоким индивидуальный пожарный риск ($81,0 \cdot 10^{-6}$). Для сравнения, показатель индивидуального пожарного риска в США составляет $9,8 \cdot 10^{-6}$, в Германии $5,1 \cdot 10^{-6}$, в Великобритании $7,8 \cdot 10^{-6}$, во Франции $6,2 \cdot 10^{-6}$ » [5]. Обратившись в октябре 2015 года к сравнению актуальной ситуации со статистическими показателями количества пожаров, гибели людей и размера экономического ущерба предшествующих лет (данные аналитического портала рынка пожарной безопасности <http://rojanet.ru>, раздел «Статистика пожаров», период 2011 – 2015 г. с возможностью установки фильтра по субъектам РФ; данные предшествующих лет соответствуют данным официальной ведомственной статистики МЧС), мы отметили резкий всплеск пожаров в отдельных регионах страны в 2015 году. Беспрецедентность становится очевидной на фоне межрегионального сравнения, диахронного сравнения показателей абсолютного и относительного прироста как к 2014 году, так и к среднему значению прироста за период с 2007 по 2014 г.г., а также с учетом того, что из трех месяцев максимальной сезонной пожароопасности (ноябрь – январь) на момент фиксации данных миновал только один. К числу этих регионов относится и Калужская область.

Второй проблемный компонент – сохранность культурного наследия, угрозу которому также представляют пожары и от которой также зависит территориальная идентичность жителей, а значит, и национальная безопасность. Проблема сохранности объектов культурного

наследия (далее в тексте – ОКН) традиционно лежит в поле пересечения исследовательского внимания историков, юристов и экономистов, но крайне редко становится объектом социологического изучения. К социальным факторам этой сохранности мы обращались ранее [6; 7], но тоже специально не рассматривали пожароопасность.

«Анализ данных Минприроды РФ показывает, что в период с 2004 по 2007 г. утрата недвижимых памятников составляла в среднем 99 объектов в год. Следует отметить, что данные, на основе которых определена эта величина, являются неполными. Так, в 2004 г. сведения об утратах объектов культурного наследия не предоставили 27 субъектов Федерации из 81 (или 33% от общего количества субъектов РФ), в 2005 г. – 28 субъектов Федерации из 87 (или 32%), в 2006 г. – 34 субъекта Федерации из 86 (или около 40%), а в 2007 г. – 42 субъекта Федерации из 86 (около 49%) /.../ В целом по РФ оценочная величина утрат объектов культурного наследия за анализируемый период составила не менее 163 памятников в год. По оценкам некоторых специалистов, озвученным президентом РФ Д.Медведевым на заседании Государственного Совета, посвященном 1150-летию Великого Новгорода, за последнее 10-летие утрачено более 2500 объектов культурного наследия федерального и регионального значения (т.е. ежегодно утрачивается около 250 недвижимых памятников)» [8].

Масштабы их утраты для Калужской области мы оценили, проведя в 2015 г. сплошное визуальное натурное наблюдение жилых недвижимых ОКН г.г.Калуга и Таруса Калужской области в соответствии с комбинированным списком из 84 памятников, составленным нами на основе перечней Министерств культуры РФ и КО. Из 17 руинированных или полностью уничтоженных тарусских памятников четыре, т.е. 23,5%, содержат несомненные следы пожара. Обследование в Калуге показало 85%-ную ветхость и высокую аварийность объектов, относящихся к данной категории памятников, за исключением частично выведенных из жилого фонда в итоге коммерциализации.

Выполненный нами расчет ранговой корреляции Спирмена показал наличие сильной статистически значимой связи между переменными среднегодовой физической утраты недвижимых памятников культуры в федеральных округах РФ (за исключением Северо-Кавказского ФО, сведения для которого отсутствуют) и переменными среднегодового количества пожаров (0,78), среднегодового размера экономического ущерба от пожаров (0,70), среднегодового количества погибших при пожаре (0,72) по федеральным округам. Таким образом, часть экономических и человеческих потерь может происходить из-за пожаров, возникших на объектах такой категории, как памятники истории и архитектуры, не выведенные из жилого фонда и

продолжающие использоваться в качестве жилья, невзирая на их максимальный износ.

Помимо отсутствия экономических возможностей поддержания противопожарного состояния жилых исторических зданий, существует проблема юридических барьеров, обозначенная в докладе А.Богданова и О.Сушковой «Насущные проблемы обеспечения пожарной безопасности объектов культурного наследия». Доклад посвящен музейному делу, но показателен и для жилого фонда: «не всегда требования по обеспечению пожарной безопасности могут быть применены в этих зданиях /.../ уникальность архитектуры ... внутренней отделки, ... необходимость сохранения именно в том виде, в котором эти постройки дошли до наших дней (не позволяют – А.К.) ... проводить какие-либо перепланировки ..., выделять отсеки противопожарными преградами, расширять пути эвакуации, заменять сгораемые перегородки негорючими, устанавливать автоматические средства пожаротушения /.../ И это только музеи, одной из задач которых является обеспечение сохранности музейного фонда. Пользование памятниками культурного наследия осуществляется и другими организациями: религиозными, здравоохранения, гостиницами, торговыми и т.д. На таких объектах также происходят возгорания и пожары, но планомерный и систематический учет пожаров конкретно по объектам культурного наследия не проводился» [9, с. 8]. Аналогична ситуация и в Калужской области. Ни на портале МЧС, ни на официальном портале органов власти субъекта Федерации нормативные документы и отчетные материалы [10] не отражают наличия особых мер в области обеспечения пожарной безопасности ОКН.

Статистические данные о социальном составе погибших при пожаре (источник – открытые данные на сайте «Статистика пожаров», <https://sites.google.com/site/statistikapozaro/home/rezultaty-rascetov/socialnoe-polozenie-pogibshih-na-pozare>) указывает на довольно сильный уровень социальной дифференциации данного риска. Распределение количества погибших по социальным категориям характеризуется высокой устойчивостью. Служащий, индивидуальный предприниматель, учащийся среднего и высшего профессионального образовательного учреждения, - категории, доли которых в составе погибших составляют 0 % с 2010 по 2014 г.г. и отличаются от прочих более высоким уровнем образования и, вероятно, образом жизни (в первую очередь уровнем потребления алкоголя и оседлости/мобильности). Таким образом, при оценке пожароопасности жилых зданий, в том числе ОКН, необходимо учитывать факторы, которые потенциально способны повышать и понижать виктимизацию. Такую превентивную роль может играть ответственное самосохранительное поведение, ответственная позиция собственника по отношению к жилищу вообще и к жилищу, обладающему высокой

символической ценностью в глазах территориального сообщества, в особенности.

Какие сегменты городского населения осознают пожароопасность жилищ, мы выясняли исходя из данных проведенного нами в сентябре 2014 – марте 2015 г. исследования по проблемам развития городских и сельских территорий МО «Город Калуга». Нами использовалась территориальная стратифицированная двуступенчатая выборка объемом 1536 человек, рассчитанная по доле населения микрорайонов и сельских населенных пунктов в генеральной совокупности; контролировалось соблюдение половозрастных квот и присутствие в выборке всех типов жилья (индивидуальные и многоквартирные жилые дома, в том числе с коммунальными квартирами и общежития); сбор данных проведен методом личного маршрутного интервью рядом с жилыми домами, расположенными на улицах района, в случае утвердительного ответа на вопрос-фильтр о постоянном проживании пешехода в отобранном доме. В качестве основных методов использовались автоматизированный (IBM SPSS Statistics, 20-я версия) однофакторный дисперсионный, дискриминантный и регрессионный анализ.

Упоминание возможных возгораний в числе рисков, с которыми калужанин может столкнуться ввиду того, что является жителем своего дома, своего микрорайона и своего города, было очень редким (вопросы о рисках были открытыми). 32 человека, упомянувших пожар в качестве одного из самых сильных страхов и опасений, составляют всего 2 % от выборки в целом, 3 % от всех респондентов в ее составе, выделивших любой риск, и 6 % всех тех, кто остро ощущает рискогенность среды их ближайшего - домашнего - жизненного пространства. Упоминания пожара появляются только в контексте переменной «Риски дома» и не встречаются в контексте переменных «Риски микрорайона», «Риски города»: пожары по соседству не воспринимаются как угроза личному благополучию. Но субъективная пожароопасность дома не случайна. Соответствующая нулевая гипотеза была отклонена со статистической значимостью 0,00 по одновыборочному критерию Колмогорова-Смирнова, проверка на уровне значимости 0,05. Переменная страха перед пожаром не коррелирует с полом, возрастом, состоянием здоровья, образованием, уровнем тревожности респондента. Последнюю мы оценивали отдельно - на основании закрытого вопроса «Насколько защищенным вы себя чувствуете, живя в Калуге?» с вариантами ответов: «Никогда и нигде не чувствую себя целиком в безопасности»; «В безопасности чувствую себя крайне редко»; «Почти никогда не испытываю чувства страха»; «Практически всегда и везде чувствую себя в безопасности». Слабая, но статистически значимая связь страха перед пожаром с уровнем жизни респондента - обратная - и размером домохозяйства, в котором он проживает, - прямая - подчеркивает

важность качества жилищных условий. Здесь значимы и плотность размещения людей, и качество человеческих ресурсов (экономические возможности индивидуальных или совместных вложений в противопожарную защиту, конформный или девиантный образ жизни соседей и уровень их социальной однородности). Однако главным фактором оказалось место проживания респондента в пригородной, окраинной зоне, молодых районах центра или в зоне его исторической застройки.

Субъективный риск пожара, зоны города и типы жилья

Однофакторный дисперсионный анализ показал, что только пригороды могут быть со 100% - ной надежностью выделены в самостоятельное подмножество, где опасность пожара осознается наиболее отчетливо (ср. средние на рисунке 1).

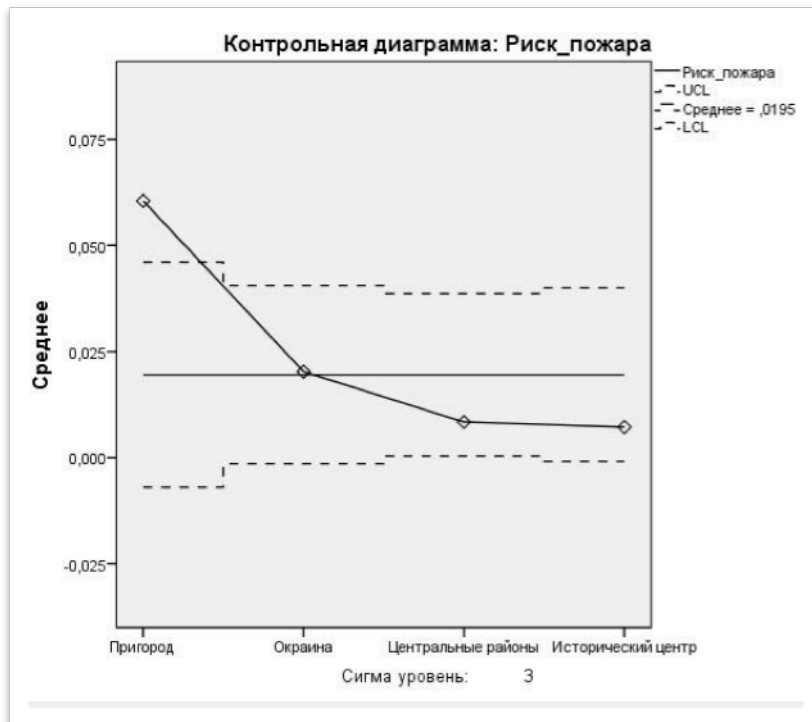

Рисунок 1. Субъективная пожароопасность в зависимости от функциональной зоны города: сравнение средних

Анализ сопряженности частот показал, что статистически значимых различий между теми, кто воспринимает и не воспринимает этот риск, нет только среди жителей окраин (таб.1), что мы связываем с

высокой однородностью их архитектурно-пространственной среды, преимущественно жилым использованием, давностью эксплуатации жилого фонда.

Таблица 1. Сопряженность Зона города * Риск пожара				
Зона города		Риск пожара		Итого
		Нет	Да	
Пригород	Частота	232 _а	16 _б	248
	% в Зона города	93,5%	6,5%	100,0%
Окраина	Частота	386 _а	9 _а	395
	% в Зона города	97,7%	2,3%	100,0%
Центральные районы	Частота	472 _а	4 _б	476
	% в Зона города	99,2%	,8%	100,0%
Исторический центр	Частота	414 _а	3 _б	417
	% в Зона города	99,3%	,7%	100,0%
Итого	Частота	1504	32	1536
	% в Зона города	97,9%	2,1%	100,0%

Каждая подстрочная буква обозначает набор Риск пожара категорий, для которых пропорции столбцов значимо не различаются между собой на уровне ,05.

Скоринг сочетания трех переменных, характеризующих жилищную обеспеченность (наличие/отсутствие у семьи отдельного жилья, обеспеченность жилища инженерными устройствами и коммуникациями («удобства»), интегральная оценка собственных жилищных условий респондентом (с семью градациями)) подтвердил, что они отчетливо дифференцируют четыре выделенные в городском пространстве зоны.

Самая «сильная» из трех переменных - благоустроенность жилища: она не теряет статистической значимости даже в условиях частной корреляции, когда мы исключаем переменную «Зона города». Как видно из контрольной диаграммы на рисунке 2, у тех жильцов, чье жилище соответствует категории «с частичными удобствами», страх выражен сильнее всех (средние для группы значения выходят за пределы контрольного диапазона средних значений для города в целом при очень малом стандартном отклонении).

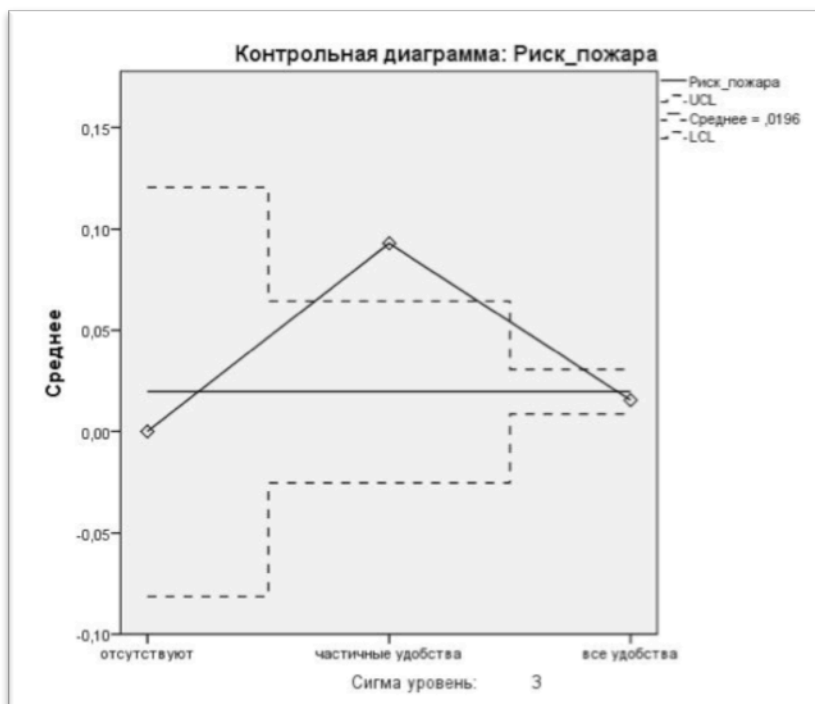

Рисунок 2. Субъективная пожароопасность в зависимости от благоустроенности жилища: сравнение средних

По наличию удобств окраинные, молодые и исторические районы города противостоят пригородам, где инфраструктурная обеспеченность минимальна, составляя внутренне однородное подмножество.

По признаку того, распоряжается ли жильем семья единолично или совместно с другими, пригород также является отдельным подмножеством с наименьшей обеспеченностью семей отдельным жильем, а молодые центральные районы демонстрируют наибольшую разнородность (в таблице 2 показана надежность разбиения совокупности на однородные подмножества по критерию Дункана). Высокообеспеченные группы населения в этом отношении сближаются с историческим центром, малообеспеченные – с окраинами.

Таблица 2. Жилье семьи является отдельным: однородность функциональных зон				
Зона города	N	Подмножество для альфа = 0,05		
		1	2	3
Пригород	248	,8508		
Окраина	394		,9162	
Центральные районы	474		,9451	,9451
Исторический центр	414			,9589
Знч.		1,000	,135	,475
Визуализируются средние по группам в однородных наборах.				

Качество сегментации горожан с помощью этих переменных совершенно ненадежно для окраин (значение скоринга 0,48) и молодых центральных районов города за пределами исторической застройки (значение скоринга 0,50), то есть в этих районах качество жилищных условий населения не слишком сильно отличается друг от друга. В случае исторического Центра и пригородной зоны, напротив, мы получаем «хорошее» качество модели (значения скоринга 0,57 и 0,67 соответственно).

Как показал дискриминантный анализ, различным поведением переменных «Субъективный риск пожара», «Нежелательное соседство (социальная среда) в доме», «Нежелательное соседство (социальная среда) в районе» определяется 62% различий между пригородом и окраиной. Их совокупная различительная сила высока, но при этом наиболее сильными переменными являются именно «Нежелательное соседство в доме» и «Субъективный риск пожара», поскольку при рассмотрении их автономного действия статистическая значимость соседства как дискриминанты утрачивается.

Рассмотрев общие и специфичные для отдельных зон факторы субъективного риска пожара (СРП) в жилище, методом исключения из общего списка предикторов мы построили с применением бутстрепа четыре модели линейной регрессии, которые можно интерпретировать так.

СРП (пригород) = - 0,03 + 0,29*«Поведение соседей по дому» + 0,05*«Численность домохозяйства» - 0,04*«Интенсивность чувства защищенности» + 0,07*«Важность ОКН» (1).

В пригороде и бедным, и обеспеченным семьям угрожают не только антропогенные, но и природные пожары, скорость распространения пожара выше, чем в городских условиях, а время реагирования пожарных служб больше. Пожар приобретает надклассовый характер. Страх усиливается, когда невозможно проконтролировать и

предсказать фактор риска, например, поведение соседей по дому или дачному участку, включая членов собственной семьи (в пригородах чаще встречаются расширенные домохозяйства, насчитывающие по 5-6 членов). Кроме того, пригородная зона Калуги, наряду с историческим центром, богата ОКН, значительная часть которых находится в руинированном состоянии и хранит следы пожаров.

СРП (молодой центр) = $0,03 + 0,02 * \text{«Количество детей»} - 0,02 * \text{«Состояние в браке»} + 0,09 * \text{«Состояние здоровья»} - 0,02 * \text{«Качество жилищных условий»}$ (2).

Уровень жизни и качество жилищных условий здесь сравнительно выше, чем на окраинах и в пригороде. Основным источником страха перед пожарами является, по-видимому, образ жизни самого респондента, производный от его семейной ситуации. Независимо от пола, наибольший страх испытывают не состоящие в браке родители двух и более детей. Дефицит жилищной обеспеченности, необходимость содержать детей и хорошее здоровье формируют ситуацию, предполагающую высокую трудовую активность и, как следствие, недостаточный надзор за детьми, которые, как видно из сравнения силы коэффициентов, и становятся главным источником риска.

Для окраинной зоны и исторического центра наблюдается максимум социально-экономической дифференциации источников субъективного риска пожара.

СРП (окраина) = $0,206 + 0,02 * \text{«Интенсивность чувства защищенности»} - 0,11 * \text{«Отдельность жилья»} - 0,04 * \text{«Уровень жизни»}$ (3).

В данном случае основным источником риска пожара на окраине выступает сам субъект – житель общежития или коммунальной квартиры с низким уровнем доходов, принадлежащий той самой неблагополучной социальной среде, соседства с которой боятся более благополучные респонденты. Его субъективное чувство защищенности выше именно поэтому, и возможно, в числе тех факторов, которые остались неучтенными в модели и суммарно отображены В-коэффициентом константы, присутствует алкоголизация.

СРП (исторический центр) = $0,52 + 0,04 * \text{«Отдельность жилья»} - 0,28 * \text{«Наличие удобств»}$ (4).

В историческом центре уровень доходов утрачивает значимость, поскольку само жилье является очень ценным экономическим ресурсом. Владельцу жилья в историческом центре «есть что терять» тем больше, чем чаще это жилье находится в его единоличном распоряжении, а страх потери тем выше, чем меньше обеспеченность этого жилья инженерными устройствами, системами и коммуникациями, то есть чем старше дом. Далеко не все старые дома в Центре, в том числе построенные до 1917 года, имеют статус ОКН, и с бытовой точки зрения жителя и памятник, включенный в реестр, и не памятник – это просто очень старые дома, сама

степень износа которых повышает вероятность возгорания. Жители исторического центра не равнодушны к теме сохранности ОКН и историко-культурного своеобразия города - они занимают по данному признаку второе место после жителей пригородной зоны. Но в их сознании утрата Калугой культурной самобытности связана с иными проблемами (урбанизация, «экспансия Москвы» и мигрантов).

Объективные и субъективные риски: степень соответствия

Страх перед пожаром действует не изолированно. Мы выявили устойчивую (как парную, так и частную) статистически значимую корреляцию данной переменной с переменными страха перед преступностью (частота упоминаний криминогенной обстановки в целом или отдельных нашумевших событий из хроники чрезвычайных происшествий города) и внимания к состоянию материальных объектов, формирующих историко-культурный ландшафт города (частота упоминания мемориальных мест, достопримечательностей, ОКН). Если смысл первой связи ясен (половина респондентов, упомянувших пожар, прямо квалифицируют его как «поджог» или характеризуют социальную среду своего дома, района как чрезвычайно неблагоприятную, в том числе криминогенную), то вторая не столь очевидна. Мы полагаем, что она носит не прямой, рациональный характер, а косвенный, образно-ассоциативный: случаи возгораний на «знаковых», выделенных в архитектурно-стилистическом, культурно-историческом отношении объектах повышают остроту и наглядность восприятия вероятности пожара и в собственном доме.

Из 39 случаев возгораний недвижимых объектов в Калуге в 2014 г., согласно сводкам чрезвычайных происшествий МЧС по КО, девять случаев (23 %) приходится на ОКН, причем один из них горел дважды с небольшим временным интервалом. От общего количества возгораний недвижимости в городе эти случаи составляют 6%. Доля же горевших ОКН, относящихся к жилому фонду, составляет 6,6% от всех горевших в Калуге в 2014 г. объектов жилой недвижимости. Как видим, эти 6% - 7% сопоставимы с долей респондентов, обеспокоенных сохранностью жилища и, в частности, его пожароопасностью.

Реальные доли возгораний, в соответствии со сводками МЧС, в четырех зонах города (см. рис.3) не вполне соответствуют долям их субъективного восприятия (см. рис.4).

Рисунок 3. Функциональные зоны: доли реальных возгораний в 2014 г.

Рисунок 4. Функциональные зоны: доли респондентов, опасяющихся пожаров (2014 г.)

Восприятие жителей молодых центральных районов города и окраин укладывается в пределы погрешности $\pm 0,05$ %. Жители исторического центра склонны к недооценке опасности, а пригородов – к преувеличению.

Недооценка и переоценка риска может быть связана с назначением объекта возгорания. Если учесть доли возгораний исключительно в жилом секторе (без дач, нежилых домов, хозяйственных построек и гаражей), наиболее опасных для жизни, их распределение меняется. Доля пригорода вырастает на 5 %, доли окраин и молодых

центральных районов приходят почти в стопроцентное соответствие долям субъективного восприятия риска (см. рис.5).

Рисунок 5. Функциональные зоны: доли реальных возгораний в 2014 г. в жилом секторе

Еще одной чертой пригорода как места возникновения пожаров, в отличие от прочих зон, является разнообразие объектов возгорания, причем он сохраняет «лидерство» по всем позициям, кроме личного транспорта и зданий производственного назначения (здесь «лидируют» окраины).

Выводы

Регрессионные модели основаны на субъективных оценках жизненной среды респондентов и потому выполняют лишь объяснительную и классификационную функции. Перевод отдельных переменных в объективные показатели (например, для переменной «Поведение соседей по дому» такими показателями могут являться количество визитов сотрудников правоохранительных органов по конкретному адресу, для переменной «Состояние здоровья» - количество выездов «Скорой» и т.д.) с учетом выявленной меры соответствия субъективного и объективного рисков будет способствовать построению прогноза. Но и сама по себе оценка населением субъективного риска возникновения пожара важна в контексте решения таких практических задач, как ведение информационно-просветительской, профилактической работы на территориях, популяризация современных средств противопожарной защиты.

В контексте сохранности ОКН выявленные связи требуют расширения межведомственного взаимодействия между службами МЧС и структурами Министерства культуры в плане статистического учета,

совместной разработки и реализации мероприятий по охране памятников, оценки рисков возможных потерь (экономических и внеэкономических) и реального ущерба, а также пропаганды бережного отношения к культурному наследию со стороны собственников и пользователей жилых исторических зданий.

References

- [1] Bernstein P.L. Protiv bogov: Ukroschenie riska [Against the Gods. The remarkable story of risk]. Translated from English by A. Marantidi. Moscow, ZAO "Olympus-Business", 2000. 400 p.
- [2] Bezopasnost Rossii. Pravovyye, sotsialno-ekonomicheskie i nauchno-tehnicheskie aspekty. Analiz riska i problemy bezopasnosti [Russia's Security. Legal, socio-economic and scientific-technical aspects. Risk analysis and security problems]. In 4 parts. Moscow: International humanitarian public Foundation "Knowledge" named after academician K. V. Frolov, 2007.
- [3] Janicki O.N. Sotsiologiya riska [Sociology of risk]. Moscow, LVS, 2003. 191 p.
- [4] Janicki O.N. Prirodnyie pozharyi 2010 g. v Rossii: ekosotsiologicheskiiy analiz [The 2010 Wildfires in Russia: ecosociological analysis]. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological research]. 2011, No. 3. Pp. 4 - 12.
- [5] Federalnaya tselevaya programma "Pozharnaya bezopasnost v Rossiyskoy Federatsii na period do 2017 goda" [The Federal target program "Fire safety in the Russian Federation for the period until 2017"]. Available at: http://www.mchs.gov.ru/activities/fcp/Pozharnaja_bezopasnost_v_rossijskoj_Fede (accessed on: 27.02.17).
- [6] Kazakova A. Istochniki "myi-chuvstva" v samoorganizatsii lokalnyih soobshchestv [The sources of "feeling of us" in self-organization of local communities]. Samoupravlenie [Self-administration]. 2016. № 1. Pp. 11-13.
- [7] Kazakova A., Kalinichenko O. Sotsialnaya amneziya kak faktor utraty kulturnogo naslediya [Social amnesia as a factor of cultural heritage loss]. Samoupravlenie [Self-administration]. 2016. № 7-8(11). Pp. 34-39.
- [8] Ovsyannikova T., Skuridina Y. Kotova O. Otsenka riskov utraty nedvizhimyih ob'ektov kulturnogo naslediya obschestva [Estimation of risk of loss of immovable cultural heritage society]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika [Bulletin of Tomsk state University. Economy]. 2009. No. 3. Pp. 61-70.
- [9] Bogdanov A., Sushkova O. Nasuschnyye problemy obespecheniya pozharnoy bezopasnosti ob'ektov kulturnogo naslediya [Urgent

- problems of fire safety of cultural heritage]. Algoritm bezopasnosti [The security Algorithm]. 2014, No. 5. Pp. 8 - 11.
- [10] Informatsionno-analiticheskiy sbornik po itogam raboty Glavnogo upravleniya MChS Rossii po Kaluzhskoy oblasti za 2014 god [Information-analytical Bulletin on the results of the Main Department of EMERCOM of Russia in Kaluga region in 2014]. Available at: <http://40.mchs.gov.ru/pressroom/news/item/2603198> (accessed on: 27.02.17).